

УДК 271.2-726.1(571.51/.52)

К проблеме эволюции приходов Русской православной церкви в Хакасско-Минусинском крае в период его освоения (XVIII–XIX вв.)

В.Н. Асочакова

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, ул. Ленина 90, Абакан,
Республика Хакасия
asocvn@mail.ru

Статья поступила 14.07.2019, принята 29.08.2019

Целью статьи является анализ формирования и эволюции православных приходов в Хакасско-Минусинском крае в период его освоения (XVIII–XIX вв.). На основе детального изучения литературы, источников из сибирских архивов, научных статей и монографий, посвященных проблемам приходских организаций, автором выделены типы приходских общин, рассмотрены территориальные особенности приходов, этнический и социальный состав прихожан. Охарактеризована структура церковных приходов – территория, храм, причт, общинные сходы. Выявлены особенности функционирования элементов самоуправления в сельских и аборигенных приходах. В заключение раскрывается роль церковных приходов Русской православной церкви в формировании локальных сообществ многонационального поликонфессионального региона.

Ключевые слова: церковный приход; церковь (храм); приходская община; общинный сход; Хакасско-Минусинский край.

On the problem of the evolution of the parishes of Russian Orthodox Church in the Khakass-Minusinsk region during the development period (XVIII-XIX centuries)

V.N. Asochakova

Khakass State University named after N.F. Katanov; 92/1, Lenin Ave., Abakan, Russia
asocvn@mail.ru

Received 14.07.2019, accepted 29.08.2019

The purpose of the article is to consider the formation and evolution of Orthodox parishes in the Khakass-Minusinsk region during its development in the XVIII–XIX centuries. The author analyzes literature, sources from Siberian archives, scientific articles and monographs devoted to the problems of parish organizations. The article highlights the stages and types of parish communities in the territory of the Khakass-Minusinsk region. Territorial features of parishes, ethnic and social composition of parishioners, structure of parish communities are analyzed. The structure of the church parishes is described. It includes the territory, the church, the clergy and community gatherings. Features of functioning of elements of self-government in rural and aboriginal parishes are revealed. Finally, the author comes to the conclusion about the role and place of church parishes of the Russian Orthodox Church in the formation of local communities in a multinational and multi-confessional region.

Keywords: church parish; church (temple); parish community; community gathering; Khakass-Minusinsk region.

Миграционные процессы на территории Хакасско-Минусинского края в XVIII–XIX вв. повлияли на процесс его территориального и культурного освоения. Российские переселенцы изменили культурный и религиозный ландшафт осваиваемой территории, они транслировали религиозные ценности, строили храмы, воссоздавая привычные общественные формы.

В настоящей статье предпринята попытка выявить особенности образования и функционирования приходов Русской православной церкви (РПЦ) в Хакасско-Минусинском крае в XVIII–XIX вв.

В церковно-административной системе православия первичной формой объединения верующих является приход. Церковный приход – это низшая церковно-административная организа-

ция, объединяющая прихожан одного храма. То есть прихожане объединены в религиозную группу и представляют собой локальное сообщество. Термин «локальное сообщество» (англ. *local community*) можно понимать как сообщество людей, находящихся в каком-либо пространстве. В ряде исследований под локальными сообществами подразумевают компактно проживающую на определенной территории группу людей, объединенных одной религией [1].

В дореволюционной историографии различным проблемам приходских организаций уделялось значительное внимание. Н.П. Павлов-Сильванский отмечал не только наличие элементов самоуправления в приходских общинах. По его мнению, в приходах «объединялись гражданские и социально-религиозные функции» [2, с. 70]. Они тесно переплетались с общественно-экономическими, правовыми, семейно-бытовыми интересами прихожан. При их непосредственном участии возводилась церковь, приходской сбор избирал священника, мир отводил землю для ведения церковного хозяйства. Для обозначения этого явления Павлов-Сильванский использовал термин «мироприход» [2, с. 70, 204–207].

В общественно-политической литературе второй половины XIX в. в приходских организациях видели общественную единицу с внутренней самостоятельностью, которая была утрачена в результате преобразований государства и церкви в XVIII–XIX вв. Например, Д.Ф. Самарин (1827–1901) рассматривал приход как один из институтов общественного самоуправления [3]. Продолжателем Самарина стал юрист и публицист А.А. Папков (1852/1853–1920). Он выделял три этапа развития приходов РПЦ: до реформ Петра I – как одно из проявлений общинного, а значит, и общественного начала, при Петре I – как «общественная единица всесословная, географически определенная», в XIX в. – как «совокупность известного количества жилых домов в определенном округе» [4, с. 46]. Папков считал, что приход может стать единицей местного самоуправления.

В XX в. историографическая традиция оценки сущности приходской жизни была продолжена. По мнению С.В. Юшкова, православный приход до XVIII в. был мелкой земской единицей, в которой переплетались земское самоуправление и система удовлетворения религиозных потребностей [5, с. 3].

До 70-х гг. XX в. в советской историографии проблемам церковных приходов практически не уделялось внимания. Одним из первых на сложность и многофункциональность приходских общин РПЦ в России обратил внимание А.Н. Копылов. Он отметил, что в них объединялись функции производственные, конфессиональной общности и

административной единицы. Историк пришел к важному выводу о роли приходских общин в культурном взаимодействии и взаимообогащении пришлого и аборигенного населения Сибири [6]. М.М. Громько видела в приходских общинах основную форму и способ трансляции традиционной культуры сибирского крестьянства [7]. О совпадении и даже объединении функций гражданских и церковных властей в XV–XVII вв. писал советский историк А.И. Копанев [8, с. 50–53].

Постсоветская историография расширила проблематику изучения приходских общин РПЦ. А.И. Клибанов писал о том, что христианско-церковное устройство было внедрено в первичные социумы – крестьянские миры [9, с. 15]. Л.В. Милов отмечал, что в этническом религиозном сознании слова «мир» и «приход» использовались как синонимы [10].

В изучение истории православия в Сибири огромный вклад сделал историк, археограф, академик Российской академии наук Н.Н. Покровский. Для нашего исследования важным является вывод историка о том, что в XVIII в. приходское духовенство стало выполнять не только религиозные, но и политические, в том числе полицейские функции, так как была нарушена тайна исповеди. Это разрушительно повлияло на «общинность» [11]. Проявление единства нации в процессе возведения культовых зданий в церковных приходах юга Западной Сибири в XVII – начале XX вв. отметил А.М. Адаменко [12, с. 3–11].

По мнению Н.Д. Зольниковой, в XVIII в. произошла эволюция сибирских приходов: усилилась бюрократизация, упало влияние выборных лиц (церковных и часовенных старост), ослабла связь духовенства и прихожан [13, с. 4]. Красноярские исследователи (А.П. Дворецкая, А.А. Терскова, Н.Л. Хаит) констатировали, что регламентация религиозной жизни привела к тому, что приходом стало именоваться «церковное учреждение, созданное для удовлетворения церковно-нравственных нужд», тогда как идея «церковной общины, сплоченной вокруг пастыря и приходского храма единством духовных интересов и взаимодействия ее членов, постепенно отходит на второй план» [14, с. 25].

Известный владимирский религиозный и общественный деятель, ректор Владимирской Свято-Феофановской духовной семинарии Г.Н. Горбачук, исследуя церковные приходы в парадигме микро-социальных исследований, отмечает, что приходские общины РПЦ являются микросоциальной группой, т. е. первичной организацией макросоциальных структур [15]. Он приходит к выводу, что современные православные приходы в течение времени эволюционировали в своеобразные средоточия социальной жизни локальных сообществ.

Приходские институты РПЦ охарактеризованы в ряде работ А.Л. Беглова [16, с. 61], отмечавшего, что они (приходское собрание, староста) обладали во многом только формальными правами и были подчинены контролю клира и епархиального начальства. Главной причиной было то, что в пореформенный период в связи с возрастающей горизонтальной мобильностью населения территориальный принцип формирования прихода, закрепленный в имперском законодательстве, подвергался все большему испытанию на прочность [17, с. 371–388]. Беглов проанализировал попытки возрождения приходского самоуправления. Он писал, что в реформаторских планах П.А. Столыпина в рамках реформы местного управления важное место занимала приходская община. Предполагалось даровать прихожанам право распоряжаться церковно-приходским имуществом и участвовать в назначении в приход членов причта. Православный приход, самоуправляющийся и также демократически устроенный, должен был стать местом консолидации лояльных элементов на сельском уровне. Самостоятельность должна была обеспечить его социальную активность и авторитет. Поощрение «выборного начала» в приходе укладывалось в политику по демонтажу сословного строя [16, с. 69].

Вопрос об участии клира в кооперативах в конце XIX – начале XX вв. для увеличения денежных средств в целях благотворительной деятельности рассматривался в работах Е.Е. Кушнаренко и А.А. Терсковой. Они писали об аскизском священнике В. Кузьмине, который считал, что потребительские кооперативы «свяжут пастыря и паству» [18, с. 81–91].

Таким образом, в отечественной историографии заложена теоретическая и эмпирическая база для изучения приходских организаций.

В Хакасско-Минусинском крае приходская структура начала формироваться в первой четверти XVIII в., в период появления переселенцев. Специфику освоения юга Приенисейского края обусловило наличие «контактных зон», т. е. чересполосного расселения этносов, пришлого и хакасского. Преобладание христианизации хакасов «снизу», в процессе совместной бытовой, хозяйственной деятельности привело к тому, что к концу первой четверти XIX в. состав населения во всех 18-ти приходах был смешанным – во всех приходах числились крещеные хакасы.

Со второй четверти XIX в. началась концентрация хакасского этноса, а старожилический костяк стал активнее размываться переселенцами из центральных и южных губерний Российской империи. В 30–50-х гг. XIX в. образовались 36 новых поселений в подтаежной области восточной части региона – Григорьевка, Кныши, Кужебары, Ши-

рыштык, Верхний Кебеж. Их основали крестьяне из Пермской, Вятской, Орловской, Оренбургской губерний. Это были так называемые «киселевские» поселения, давшие толчок дальнейшему развитию церковно-территориальной организации Хакасско-Минусинского края. В приходах «киселевских» и казенных поселений новокрещенные отсутствовали. Для «русских», как называли переселенцев 30–50-х гг. XIX в., были характерны низкий уровень толерантности и отсутствие механизма социокультурной адаптации.

В середине 1850-х гг. образовались приходы с чисто ясачным населением, причиной чего стали отток новокрещеных прихожан из смешанных приходов и частичная ассимиляция. К 1861 г. количество церковных приходов возросло до 40, из них 24 смешанных [19].

К концу XIX в. на территории края действовали 46 приходов. Крупных приходов (более 2 тыс. чел.) насчитывалось 17 %, средних (свыше 1 тыс. чел.) – 50 %, мелких (до 100) – 8 % [20]. Были образованы семь миссионерских приходов, шесть из которых (Божеозерский, Чебаковский, Усть-Фыркальский, Аскизский, Усть-Абаканский, Синявинский) были образованы среди хакасского населения и занимались его дальнейшей христианизацией; один, Верхне-Усинский, – противораскольничий [21]. К концу XIX в. число смешанных приходов уменьшилось в три раза, что связано с концентрацией русского населения в основном на правом берегу, а хакасского – на левом берегу Енисея и на р. Абакан.

Приходы на территории Хакасско-Минусинского края занимали значительное пространство. На юге Приенисейского края почти не было однодеревенских церковно-приходских общин, в некоторых деревнях проживало от 2 до 10 семей. В ряде приходов объединялись около полусотни поселений разного типа (деревни, станки, улусы), в том числе временные (починки, заимки, зимовья). Расстояние до храма намного превышало 20 верст (норма, введенная еще в XVIII в.). На размеры приходских территорий скорее повлияло другое требование Синода – о количестве прихожан для содержания клира. Например, в приходе аскизской Петропавловской церкви некоторые населенные пункты располагались на расстоянии до 150 верст от храма. Такое устройство было особенно типичным для приходов крещеных авхтонов [22]. Вместе с тем, Хакасско-Минусинский край был одной из наиболее заселенных территорий Енисейской губернии, поэтому многоклирных приходов (когда священник причислялся к нескольким приходам), в отличие от северных районов, здесь не было.

Церковно-административное управление являлось важным средством инкорпорации нацио-

нальных территорий в состав Российской империи, но проблемы содержания церковных структур, иные приоритетные задачи, особенности формирования привели к тому, что в Сибири церковно-территориальные границы не совпадали с государственно-административными. Это, с одной стороны, затрудняло формирование локальных сообществ, так как в приходах формально объединялись жители населенных пунктов разных волостей, округов, губерний, епархий. В синодальный период приход характеризовался в первую очередь как территориальное объединение, так как для светских и духовных властей приоритетными оставались задачи содержания клира. С другой стороны, это обстоятельство способствовало межкоммуникативному, межкультурному взаимодействию и интеграции полиэтничного, многоконфессионального сообщества.

Главным «приходообразующим» элементом является храм. Он был местом собрания прихожан, общественного богослужения. Храм всегда освящался архиереем, и с этого времени считалось, что здесь присутствие Бога на земле особенно реально. По отношению к храму как сакральной территории прихожане представляли собой вторичную составляющую. Они приходили сюда за освящением через молитвы Церкви. В данном контексте приход, не имеющий здания храма, был бы немислимым явлением, в то время как существование храма без приходской общины и прихода было возможно [15]. На уровне местного сообщества храм служил символом единения и коллективного сбора [14, с. 57]. В XVII–XVIII вв. строительство храма происходило по инициативе прихожан, но с конца XVIII в. на возведение нового церковного здания требовалось разрешение Синода. В вопросах церковного строительства была велика роль приходской общины, поскольку решение всегда принималось на собрании прихожан. В XIX в. общину уже представляли доверенные лица от населенных пунктов или сословных групп прихода. Доверенные лица наделялись широкими полномочиями, вели дела и переписку с церковным начальством от имени прихода. Также на сходе избирали сборщиков пожертвований, церковного старосту и строителя. Избранные давали присягу сходу и священнику. Сход составлял прошение на имя архиепископа, в котором указывались причины строительства, обязательства по строительству и содержанию причта [23, с. 16–20].

Строитель играл главную роль при строительстве церкви: закупал материал, доставлял его, наблюдал за строительством, организовывал сбор недостающих средств, привлекал прихожан для вспомогательных работ и т.д. Церковный староста выполнял организационно-хозяйственные функции, приобретал церковное имущество, следил за

состоянием церковных домов и т.д. После получения разрешения на строительство уполномоченные от общины заключали договор с подрядчиками, где перечислялись работы, материал, условия и обязательства обеих сторон, подрядчика и общины. Прихожане выполняли тяжелые работы, например, рытье котлована под фундамент церкви и подвоз камней для забутовки фундаментных рвов [24, с. 13].

Структурными элементами любого прихода как учреждения являются священник, причт, церковный староста [15]. Наиболее показательным критерием эволюции взаимоотношений клира и прихожан в XVIII–XIX вв. стала отмена выборов приходского духовенства общиной. Формально основой стал запрет Синода (1797) подавать прошения о назначении священника. По указу от 24 апреля 1800 г. место «выборов» прихожан заняли «одобрения», при этом уже совершенно иные, чем раньше [25]. Во второй четверти XIX в. участие прихожан становится еще более формальным. Таким образом, клир становился независимым от приходских общин. Правда, в приходах новокрещенных еще сохранялось право отказа неугодным священнослужителям [26, с. 34–43].

В источниках и литературе, посвященной православным церковным приходам, термин «приход» употребляется как синоним терминов «община», «общество». Но в реальной жизни прихожане не принимала активного участия в приходской жизни, несмотря на попытки властей во второй половине XIX в. сформировать реальную общину [17]. В каждой церковной общине собирались общинные сходы, активные прихожане входили в церковные советы, и именно они вместе с причтом принимали участие в решении приходских проблем.

В общинах все еще выбирали церковного старосту, но утверждал выбор архиереев. Староста писал отчеты, вел приходно-расходные книги, отдавал их на проверку благочинному, следил за соблюдением монополии на продажу восковых свечей в приходе и в целом нес материальную ответственность за имущество церкви [27].

В приходах хакасского населения церковных старост выбирали из ясных по согласованию с национальной верхушкой. Хакасская знать представляла приход перед церковными властями, а также на выборах клира и должностных лиц. В этих приходах приходские структуры были неразвиты, и церковно-приходское самоуправление не сформировалось. Общинные сходы были немногочисленны, собирались редко [26, с. 34–43].

В сельских церковных приходах Хакасско-Минусинского края длительное время сохранялись демократические традиции русского Севера. Общей тенденцией развития приходских общин в XVIII–

XIX вв. было сужение сферы самоуправления и падение роли приходских структур [23, с. 16–20].

Тем не менее, церковно-приходские общины, несмотря на усеченный комплекс прав, представляли собой локальные сообщества: они были объединены сакральным, освященным пространством храма, празднично-литургической и духовно-религиозной традицией, являлись единственной межсословной и межэтнической группой. Таким образом, православные приходы выполняли важную роль в сохранении норм и форм поведения, обычаев и обрядов православного населения края независимо от времени и места миграции в регион.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Республики Хакасия в рамках научного проекта № 18-49-190002.

Литература

1. Калуцков В.Н. Ландшафт в культурной географии. М.: Новый хронограф, 2008. 320 с.
2. Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. М.: Наука, 1988. 694 с.
3. Самарин Д.Ф. Приход. М.: тип. А.И. Мамонтова, 1867. 74 с.
4. Папков А.А. Упадок православного прихода (XVIII–XIX века): историческая справка. М.: Типо-лит. В. Чичерин, 1899. 163 с.
5. Юшков С.В. Очерки из истории приходской жизни на Севере России в XV–XVII вв. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1913. 137 с.
6. Копылов А.Н. Культура русского населения Сибири XVIII – начала XIX в. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1968. 168 с.
7. Громыко М.М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII–первая половина XIX вв.). Новосибирск: Наука, 1975. 351 с.
8. Копанев А.И. Правотворчество и правосознание северного крестьянства в XVI–XVII вв. // Вклад северного крестьянства в развитие материальной и духовной культуры: сб. ст. Вологда, 1980. С. 50–53.
9. Клибанов А.И. Духовная культура средневековой Руси. М.: Аспект Пресс, 1996. 368 с.
10. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 2001. 573 с.
11. Покровский Н.Н. Русская Церковь и государство в XIII–XVI веках. Новосибирск: Православная Гимназия во имя Преп. Сергия Радонежского, 2013. 444 с.
12. Адаменко А.М. Приходы Русской православной церкви на юге Западной Сибири в XVII–начале XX века. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. 190 с.
13. Зольникова Н.Д. Сибирская приходская община в XVIII в. Новосибирск: Наука, 1990. 288 с.
14. Дворецкая А.П., Терскова А.А. Православная церковь и население Приенисейской Сибири 1700–1919 гг. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2018. 314 с.
15. Горбачук Г.Н. Церковный приход как макросоциальная группа: организационные основы и тенденции функционирования // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-2. С. 152–158.
16. Беглов А.Л. Кризис «государственной церковности» в фокусе приходского вопроса. 1860-е – 1917 гг. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2019. № 1-2 (37). С. 58–90.
17. Беглов А.Л. Поиск идентичности православного прихода в проектах и дискуссиях конца XIX начала XX вв. [Электронный ресурс]. URL: <http://lodka.sreda.org/obshhina-uchrezhdenie-bratstvo> (дата обращения: 11.07.2019).
18. Кушнаренко Е.Е., Терскова А.А. Приходское духовенство и кооперативы в Енисейской губернии в конце XIX – начале XX вв. // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2017. № 4 (30). С. 81–91.
19. Клировые ведомости о церквях по благочинию протоиерея Фортуната Петухова // ГАКК (Гос. арх. Красноярского края). Ф. 674. Оп. 1. Д. 9; Д. 14. Клировые ведомости о церквях и причтах Минусинского уезда; Д. 15. Клировые ведомости о церквях и причтах Ачинского округа за 1827 г.; Д. 373. Клировые ведомости о церквях и причтах Минусинского округа за 1860 г.; Д. 84. Клировые ведомости о церквях и причтах Ачинского уезда за 1835 г.; Д. 240. Клировые ведомости о церквях и причтах Ачинского округа за 1850 г.
20. Краткое описание приходов Енисейской епархии. – Красноярск, 1916: репринт. Красноярск, 1995. 227 с.
21. Отчет о состоянии Енисейской епархии за 1878 г.; 3099. Сведения и рапорты благочинных по обозрению церковей Енисейской епархии // ГАКК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 1547.
22. Статистические сведения о Минусинском округе Енисейской губернии 1855 г. // МКУ «АГМ» (муниц. казенное учреждение «Архив г. Минусинска») Ф. 17. Оп. 1. Д. 10. Ф. 106. Оп. 1. Д. 22.
23. Шумов К.Ю. Историческая записка о Покровской церкви в селе Большой Кемчуг // Красноярскарх-проект: проект консервации Покровской церкви в с. Большой Кемчуг. Красноярск, 1996. 13 с.
24. Дело о производстве Красноярского заказа Абаканского острога дяковского сына Козьмы Петрова Маркова в оный же острог пономарем // ГБУТО ГА (Гос. бюджет. учреждение Тюменской обл. Гос. арх. в Тобольске). Ф. 156. Оп. 1. 1761. Д. 185.
25. Из рапорта церковнослужителей Аскизской Петропавловской церкви Абаканскому благочинному священнику Александру Иноземцеву // МКУ «АГМ». Ф. 17. Оп. 1. Д. 10.

Список сокращений

1. ГАКК – государственный архив Красноярского края.
2. МКУ «АГМ» – муниципальное казенное учреждение «Архив города Минусинска».
3. ГБУТО ГА в г. Тобольске – государственное бюджетное учреждение "Государственный архив в г. Тобольске».